

Есть поэты, у которых, кроме литературной судьбы, еще и богатая биография. Григорий Поженян — человек-легенда. Его геройство на войне, приключения на суше и на море довольно широко известны. Но он прежде всего — поэт, этим, как писал Маяковский, и интересен.

Поэтому и говорить мы будем о поэзии.

— Нужен ли поэт сегодня? Думаю, что больше, чем когда бы то ни было. Потому что в период заблуждения людей, их душевной, духовной тупости, ослепления, озлобления, в период распада семей, государства, когда подчас муть заслоняет разум, — только культура, искусство и поэзия могут сдвинуть людские души с этой мерзлой почвы. Наше правительство, к сожалению, не понимает этого.

— Говорят, что у поэзии элитарная роль и ее читают в основном избранные.

— Я не раз убеждался в том, что стихи бесконечно нужны. В самых неожиданных ситуациях, для самых неожиданных людей. Только поэт двумя строчками может сформулировать вечность любви: «Так храм оставленный — все храм. Кумир поверженный — все бог...»

Есть поэты на все времена. Есть родившиеся для определенного времени: лирики, чарователи, трибуны. Времена меняются, поэзия остается.

У России — особая судьба. Десятилетиями ставил великих поэтов под дуэлянтские пистолеты: Пушкин, Лермонтов. Двадцатый век, с приходом большевиков, был то более откровенен — одаренных отстреливал: Гумилев, Корнилов, Васильев; то всячески избавлялся от них, замордовывая: Цветаева, Ахматова; то загонял в тупик после их идейных жертвоприношений, как Маяковского; то безысходностью своей заколачивал им просветы: Есенин.

Уходил Блок — выросал Пастернак. Сталинская неволя рождала и невыносимость своей вызвала к единобожию поэтов. «Мне на плечи бросается вековолкод», — утверждал Мандельштам, мужая от того, что бросил вызов самому Сталину: «а вокруг его сброд тонкошеих вождей, он играет улыбками полудюдей»...

— А какова судьба и место в жизни поэтов фронтового поколения?

— Жестко говоря, фронтовое поколение почти все вымерло. Помните стихи нашего корифея военной поэзии — Семена Гудзенко: «Мы не от старости умрем. От старых ран умрем?»...

Тяжел и велик список ушедших до срока прекрасных поэтов, взваливших на себя и «вес верст», и несовместимость надежд и возвращения, тяжесть государственных «разборок» и вызовов на «ковер», глухоты и наветов. Семен Гудзенко, Михаил Луконин, Марк Максимов, Алексей Недогонов, Алексей Фатьянов, Евгений Винокуров, Кайсын Кулиев, Сергей Орлов, Михаил Львов, Михаил Дудин...

Тех, кто остался, — посчитать хватит пальцев обеих рук. Я говорю о русских поэтах-фронтовиках, моих сверстниках.

— Как складывалась после войны ваша судьба?

— Совсем непросто. Сразу же, после поступления в Литературный институт имени Горького я был незаслуженно оттуда исключен. Мои однокурсниками оказались, как выяснилось потом, одаренные, значительные писатели и поэты России: Тендряков, Бакланов, Бондарев, Солоухин, Винокуров, Федоров, Сарнов, Обухова и многие другие. Тем обиднее, что после первого политического раскола мне пришлось, как минимум, огорчиться.

Руководителями творческих семинаров у нас в институте были Антокольский, Светлов, Павстовский, Федин, Леонов. Я был в семинаре Павла Григорьевича Антокольского.

Когда волны борьбы с космополитами подступили к стенам нашего института на Тверском, 25, меня вызвали...

— Ты знаешь, кто твой учитель? — спросил у меня многозначительно секретарь парткома в присутствии «добровольца» от СП СССР Н. Грибачева.

— Знаю. — То-то, — сурово сказал Грибачев, — выступишь на сцене.

Григорий ПОЖЕНЯН:

«НО МИГ ПРОДЛИВ, ОСТАНУТСЯ СТИХИ...»

Труд - 1994 - 10 апреля - с. 7.

— Хорошо, — мрачно сказал я и... выступил.

Меня исключили из института, комсомола и выкинули мою кофку из общежития. Формулировка была следующая: «За пособничество в организации беспринципной групповщины на семинаре бывшего руководителя, ныне разоблаченного эстета и космополита П. Г. Антокольского». Это был пункт первый. Пункт второй гласил: «За небрежное хранение комсомольского билета». Проголосовали «за» — все. Против — один Юрий Трифонов.

Мой комсомольский билет был со мной и во всех десантах на Черном море, и в госпиталях. Мок, сушился, зашивался в полклатку, в подошвы, прятался и перепрятывался... Взрослые, серьезные дяди, не моргая, глядели мне в глаза и судили не спящими голосами.

Я завербовался на кенгисбергские верфи, котельщиком, на завод «Судохладомонтаж», сроком на три года. Об институте вспоминал не со злорадством, а с улыбкой. Особенно ректора нашего — Федора Гладкова. Он сказал мне:

— Чтоб вашей ноги здесь не было!

Я встал и вышел из его кабинета... на руках.

Первое письмо на завод прислал мне Юра Трифонов. Написался, как школьник: «Твой друг Юра». Второе письмо прислал Юрий Карлович Олеша. Я с ним поилежно пил и еще более поилежно внимал ему. Его письмо начиналось так: «Дорогой бочонок поэзии»... Утешал.

А возвратился я через два года в Литинститут, как со второй войны, уже повзрослевшим, выростая из незнакомых мне на войне рубах лжи и предательства.

— И как же произошло возвращение в Москву? Кем вы себя чувствовали — прощенным или простившим?

— Проблема возвращения решилась сама собой. На завод я однажды, впервые за два года, после сильного подпития, прочел стихи. Они кончались такими патетическими строчками:

Гордимся мы, быть может, даже тем, что нам о нас не написать поэм...

В заключение, под пьяный хохот моих новых друзей я заявил, что эти стихи написал я. Мой бригадир Витя Мельнич-

кий был мной не доволен и сказал мне в общаге, один на один:

— Им врать нельзя. У нас это не принято. А если по пьяни подзалетел, или признавался, или... доказывай.

Я послал стихи в «Калининградскую правду» и подписался честь по чести: Григорий Поженян. Котельщик. Завод «Судохладомонтаж».

Наведя справки, редакция, посовещавшись, решила открыть талант в среде народа.

И приехали за мной на машине. Привезли прямо с судна и посадили «неубранного» и «неумытого» за длинный стол в конференц-зале редакции.

Думаю, что и Василий Аksenov, мой друг, страдает от того, что ему нужен такого же таланта переводчик, чтобы, как говорят, «адекватно» перевести его выдающуюся стилистически «Затоваренную бочкотару». Поэтому что воздух непереводим, а воздух поэзии — тем более...

— Григорий Михайлович, вот у вас фамилия армянская, стихи вы пишете русские. Имеет ли для вас значение национальность?

— Когда мою национальность обижают, принижают, когда ей что-то грозит, — имеет. Хотя я поэт русский, а не русскоязычный. Мой дед по отцу — ванский армянин, хотел понять, почему

сать простые сонеты и брать у людей из долины хлеб, вино и котлеты». В сегодняшнем мире это вряд ли достижимо, но какое у вас самое большое желание?

— Мне сложно ответить на этот вопрос. Я последнее время часто думаю о смерти и через это ощущение осмысливаю итоги прожитого. Вот одно из моих последних стихотворений:

Когда настанет ясности
пора,
развеять осуждение и
участье.
И осветитель мой после
причастья
погасит надо мной
юпитера.
И отойдя в безвестный мир
теней,
ничей я распорядок
не нарушу.
Ничью с собой не унесу
я душу,
не знавший на земле,
что делать с ней.
Без сожаленья зная
наперед,
как неизменен мир
под облаками,
ось не прогнется,
не смягчится камень,
звук не растает,
коршун не замрет.
Но миг продлив, останутся
стихи.
Они, как травы, сквозь
асфальт пробьются.
Товарищи помянут и
напьются,
а женщины простят
мои грехи.

— А какие, Григорий Михайлович, у вас отношения с книгоиздателями?

— Никаких. Мои стихи книгоиздателям, как выяснилось, не нужны. Не тот товар. Не ходовой. Такие времена настали. И государству стихи не нужны. Ему нужны именитые поэты — заступники распыляемых идей реформ. Внебрачные дети туманного капитализма...

Может, композиторы нужны нашему государству? Недавно прочел в одной, вполне серьезной газете, как справлял свой день рождения некто Игорь Николаев, якобы признанный композитор. Не без восторга описывалось изысканное меню этой трапезы с заключительным фазаном в мандариновом соусе.

В наше голодное время стыдно об этом писать в стране, из которой уехали около тысячи первоклассных музыкантов, где не сводят концы с концами будующие Шнитке, Прокофьевы, Свиридовы, Ростроповичи...

«Умрите, вы будете бессмертны», — сказали нам в сорок первом. Но зато Николаев со своими друзьями велит подать «шампань», перейдя после «европейской» трапезы к «водным процедурам»!

— Вы так негодуете по каждому случаю нынешних светских «изысков»?

— Я думаю над тем, как жить дальше и как объяснить моим ветеранам слова Блока: «тебе дано бесстрастной мерой измерить все, что видишь ты»? Что же касается издательства — самому нужно приниматься за дело.

Мой друг — бизнесмен Дмитрий Кондырев «отстегнул», как теперь принято говорить, несколько миллионов и стал спонсором уникального издания — книги 21 поэта, Б. Ахмадулина, А. Вознесенский, Е. Евтушенко, Ф. Искандер, Е. Рейн, Б. Окуджава, Г. Рубцов, Б. Чичибабин, Н. Коржавин, А. Межиров, В. Корнилов, В. Соколов, А. Жигулин, О. Чухонцев, И. Шкляревский, Н. Панченко (жены и близкие ушедших от нас Ю. Домбровского, Б. Слуцкого, А. Тарковского, Г. Шпаликова) дали мне по два лучших стихотворения, написанных от руки. Я долго мучился с ее изданием, поисками заинтересованных лиц, составлением и подбором стихов. Хотелось доказать всем скептикам, что такой поэзии, как у нас в России, нигде в мире нет. Потому и назвал книгу: «Поэты в раю не рождаются».

Не жаль, что влез в долги, жаль, что вещее слово не освящено государственной заботой...

Беседу вела
Ольга СОЛОМОНОВА.